

Константин Леонтьев

Хамид и Маноли

Константин Леонтьев

Хамид и Маноли

«Public Domain»

1869

Леонтьев К. Н.

Хамид и Маноли / К. Н. Леонтьев — «Public Domain», 1869

«...Отец мой сказывал, помню, что в Янине девушки и на улицу не выходят, и причащаются ночью, а днем и в церковь даже не ходят, чтобы не видали их мужчины, а разврату, говорят, там много. У нас не так: гулять и плясать, и говорить можно, и смеяться; знай только честь свою храни... А не сохранишь честь, – либо убьют, либо всю жизнь будет стыд...»

Содержание

I	5
II	7
III	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Константин Леонтьев

Хамид и Маноли

Рассказ критской гречанки об истинных событиях 1858 г

I

Нас было двое у отца и матери – брат мой Маноли и я. Дом наш был в Анерокуру. Ты, верно, видел по дороге к Суде две деревни на склоне горы.

Одна зовется Скалария, а другая Анерокуру, – это наша родина. Она вся в зелени скрыта... И теперь цела; сколько ни разбойничали и ни разоряли народ проклятые турки, а около Ханьи, верно, консулов боялись, мало трогали.

Домик наш давно продан и пристанища нет у меня, господин мой! Вся семья наша родилась горькая; отец был рыбак и утонул в море, когда брату Маноли было десять лет всего, а мне немного больше. Мать бедная кормила нас долго, как могла; чулки вязала, полы нанималась мыть, в монастырь нанималась служить; наберет иногда жасмину самого душистого, нанижет его на прутик, сядет на дороге и ждет. Бей ли какой проедет, турчанки ли богатые пройдут, консул ли или какой-нибудь иной богатый франк под руку с женой гуляет, сам на себя любуется, – мать поклонится и подаст жасмины: и всегда ей что-нибудь за жасмины дадут; турки, скажу я тебе правду, отказывали редко. Это у них есть. И другие давали, шутили с матерью: «Что Элена, бедная? Все об детях ты убиваешься?»

А давно ли ты красавица первая была у нас в округе? Никак про тебя и стишки эти сделали:

Всем нашим девушкам царица,
Красой и добротой, ты душа Эленица!¹

Это ей говорил часто бакал² один Ставраки, как только завидит ее, и никогда с пустыми руками не отпускал. Говорили люди, что он как молод был и еще беден, так хотел взять мою мать; да родные отговорили. И вышла ему другая судьба: дочь хозяина, у которого он в лавке служил, влюбилась в него; увидел богатый отец, что дочь беременна от мальчика, от Ставраки; побил Ставраки, а все-таки дочь за него отдал и со всем богатством. А мать за рыбака вышла. Хуже всех это франки... Как я тебе скажу, господин мой? кабы моя сила была, я бы франков ко хвосту лошадиному привязывала, да чтоб рвали их лошади на части.

Турок глуп и варвар; а его они всему злему учат, зачем вера у нас православная, а не такая как у них.

Подала мать раз жасмин французенке, а она как закричит: «Иди, иди прочь! Не люблю я этого запаха! Какие эти греки все бесстыдные... Не хотят работать!» Слышите? Греки ленивы? Не хотят работать? чума ты такая, ведьма франкская! Разве стыдно цветки бедной женщине продавать? А что твой муж, чума ты французская, из Австрии всякую гнилую дрянь наташил в лавку свою и народ обирает наш простой? Это не стыдно? Купит человек ковер у твоего мужа: «Это, подумает, европейская вещь». А через год, гляди, уж и бросил ковер куда негодный.

¹ Эленица – уменьшительное от Элена.

² Бакал – лавочник.

Много я от франков зла видела всякого, господин мой!

А брат мой, бедный Маноли, от турок погиб, удавили его солдаты на лестнице у паши, перед всем народом.

Такова была судьба его! Подружился он с турками, принял на душу свою большой стыд и грех большой и погиб.

Вся семья наша была несчастливая.

II

О самой себе мне много нечего рассказывать. Я через три года после того, как утонул отец, вышла замуж, а через год после свадьбы овдовела. Муж мой – Янаки, был каменщик, и его задавила скала: обрушилась на него, когда он работал.

Пока он женихом был, с полгода мы жили очень хорошо, и вышла за него замуж – тоже хорошо жила.

Первый раз увидела я его у нас на одной свадьбе в деревне. Он был из другого села. Пришел, стоит широкоплечий такой у стенки, облокотился и смеется, глядит на нас. Был в то время карнавал; мальтийцы-носильщики в Ханье пели и плясали, и наши молодцы выучились у итальянцев наряжаться – кто медведем, кто доктором, кто кавассом консульским в арнаутской фустанелле. Говорят наши паликары: «Нарядись, Янаки, и ты!» «Детские, говорит, это вещи, я не стану наряжаться!» А сам искоса на меня глядит. И мне он понравился. Стал он в нашей Анерокуру работать и к матери пришел. Мы его кофеем угощали, и я тогда же про себя думала: «Никак вышла мне хорошая судьба!» Он хоть был и каменщик, а дом у него свой был и одевался он по праздникам в тонкое голубое сукно очень чисто. Щеголять любил. Я тоже хитрая, знаю по какой дорожке он под вечер ходит с работы; сегодня нет, завтра нет, а на третий день и пойду по этой дорожке.

– Добрый вечер, Катерина! – и если нет никого и руку пожмет крепко. Такой он был видный из себя и молодец всем. Наши критские, правду надо сказать, красавцы все. Еще Янаки был лицом хуже многих; да вот – я его любила!

Раз шел он мимо нас и показал мне, что у него пуговица на рукаве оборвалась. «Сирота я здесь, Катерина, кто мне в Анерокуру пришьет?» Я говорю: «Я тебе пришью!» И пришила. А когда нагнулась к руке его зубами нитку откусить, у него рука как вздрогнула, и он сказал мне: «Люблю я тебя душа, Катинко, больше всего света Божьего!»

Сказали мы матери; матери что же? Слава Богу – судьба дочери вышла! Стал Янаки к нам ходить каждый день, часы серебряные мне подарил, платье шолковое, а платочков головных и не сочтешь сколько!

И домик наш сам починил; по праздникам соберем других девушек, и он приведет молодых, и танцуем все на террасе... На это у нас свободно.

Отец мой сказывал, помню, что в Янине девушки и на улицу не выходят, и причащаются ночью, а днем и в церковь даже не ходят, чтобы не видали их мужчины, а разврату, говорят, там много. У нас не так: гулять и плясать, и говорить можно, и смеяться; знай только честь свою храни... А не сохранишь честь, – либо убьют, либо всю жизнь будет стыд... Веселились мы с Янаки и до свадьбы и после свадьбы жили хорошо. Только как женился он на мне, говорит мне сурово: «Я ревнив, Катерина. Помню песенку, что поют у вас в Анерокуру:

Я тебя убью, собака ты, Катерина!

– Не ревнуй, – говорю я. – На других я и смотреть не стану.

И стали мы жить как голуби; мула он для меня купил и на праздники в монастыри возил веселиться, и на богомолье вместе ездили; дворик у нас стал чистый, и я на нем цветы развела.

Собачка у нас была, и та утешала: умная и бесхвостая родилась; мы ее *аркудица* звали; это значит медвежоночек!

Матушка радовалась на нас и перешла к нам жить; а как я стала беременной – еще больше меня Янаки полюбил. И все люди про нас говорили: «Хорошо они, бедные, живут, хорошая семья». Один только брат Маноли и тревожил нас. Такой был беспутный мальчик: не злой, а глупый и беспутный; через глупость свою погиб! Пусть Господь Бог простит его душу!

III

Сначала мать отдала брата Маноли к одному красильщику. Ходили они вместе по домам и красили двери и потолки. Маноли, бедный, тогда еще любил семью, и где дадут ему *бахчиш*³, не прогуляет все, а что-нибудь и матери принесет.

Собой он вышел такой красивый, что все оборачивались, глядели на него, когда он шел по дороге. Я что такое! Я перед ним цыганка всегда была. И муж мой шутил всегда матери:

– Если бы я не знал тебя, матушка, за честную жену моему свекору покойному, я бы на всех старых цыган и арабов смотрел бы... который из них любил тебя? такую ты мне жену черную родила!

«Грех! – бывало скажет бедная мать. – Стыдно такие слова говорить!» А сама ничуть не сердится.

Мы все трое мирно жили вместе. А Маноли наш был такой белый, как английские барышни бывают. Кудри черные, походка, рост, руки – все как на картине. А глаза были у него синие, как море в жаркий день, и сладкие, тихие такие, когда он задумается. Только, я говорю, ни ума, ни хитрости у него не было. Всякому верит: пожал ему руку кто на базаре, из богатых, бежит домой.

– Хороший, – говорит – человек! Руку мне жмет. Как поживаешь, Маноли!

Оттого хороший, что ему, мальчику, руку пожал! А спросишь, и узнаешь, что этому человеку нужно что-нибудь было, послать ли его куда или еще что-нибудь.

Бывало начнет хвалиться:

– Меня, – говорит, – никто обмануть не может. У меня страх какие открытые глаза! У других открытые глаза бывают, а у меня еще открытее!

И откроет глаза в самом деле, так и смотрит на нас долго.

– Не пугай нас, закрой скорей! – скажет бывало муж.

А он сердится.

И вспыльчивый был и пугливый. Немного что случится: «а? а? где? где? что? что?» Туда-сюда бросается, а сделать ничего не делает. Жалели мы его часто и бранили. За это он и мужа моего разлюбил.

Пока еще он жил у красильщика, было лучше. Красильщик был старик строгий; сам много работал и его держал сурово. Его Маноли боялся.

Дела худые начались, как он познакомился с молодым турком Хамидом, который в Ханье табачную лавку держал.

Хамида этого и турки звали Дели-Хамид, это значит на настоящем турецком языке – безумный Хамид, либо Хамид-сорви-голова. Торговал Хамид хорошо и честно. На фальшу в торговле его табаком никто не жаловался. Турок он был критский, из округа Селимно, и по-гречески читал и писал хорошо. Фанатиком он не был и в мечеть ходил даже редко. Что ему мечеть! Ему бы все песни петь, да вино пить, да в хорошем платье на коне лихом скакать мимо девушек. Усики свои белокурые бывало припомадит вверх кольцом, капу⁴ на красном подбое накинёт, шальвары из самого тонкого и светлого сукна наденет; лошадь вся в красных кистях; скачет, кисти туда-сюда играют на лошади; точно из первых семейств дитя; точно сын бея богатого. Играл он и на скрипке и на флейте – у итальянца учился. На охоту пойдет и на охоту с флейтой; набьет птиц и идет домой, по дороге при всех на флейте играет с радости. Жениться не хотел, хотя ему уже двадцать семь лет было.

³ *Бахчиш* – награда на чай, на водку.

⁴ *Капа* – короткий, очень красивый бурнус с башлыком.

– Законная жена – бремя, – говорит. – Поди, родным комплименты строй! А рабу теперь трудно купить; закона уже нет. Все франки это наделали!

На вино Хамид был крепок и пил много; но чтобы срам какой делать пьяному, этого он не любил; поет и веселится, а потом заснет. Когда другие турки говорили ему: «Зачем пьешь с греками? Пророк пить не велел». У него была на это история, сейчас и расскажет ее.

Как при султানে Мураде жил в Константинополе один пьяница Бикри-Мустафа. Султан Мурад строго наказывал пьющих турок и казнил даже тех, от кого пахло вином. Сам султан и вкуса вина не знал до тех пор, пока не встретил Бикри-Мустафу. Раз шел султан ночью, – сам осматривал город. При нем была стража. Встретился ему Бикри и кричит: «дай мне дорогу!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.